

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.3.9](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.9)
EDN [TOSXAY](https://edn.tosxay.ru)
УДК 314.5

С. Ю. Сивоплясова¹, Е. П. Сигарева¹

¹ ИДИ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

МОДЕЛИ БРАЧНОСТИ И РАЗВОДИМОСТИ В МОЛОДЁЖНЫХ КОГОРТАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению моделей брачности и разводимости молодёжных когорт с целью выявления сходств и различий в формировании брачного потенциала разных поколений. Значительные трансформации в семейно-брачной сфере за последнее пятилетие актуализировали исследования данной проблематики. Для анализа особенностей брачного поведения молодёжи в приорном и постериорном поколениях авторы опирались на статистические данные Всероссийских переписей населения 2002 и 2020 гг. В ходе исследования были определены основные черты моделей брачности и разводимости современной молодёжи, а также их отличия от моделей поколения «родителей». Выявлена существенная проблема статистической неопределённости брачного статуса, которая имеет тенденцию к росту и требует дальнейшего изучения: формируется большая группа современной молодёжи с неопределённым брачным статусом. Авторы отмечают значительное сокращение брачного потенциала современных молодёжных когорт, обусловленное как демографическим сокращением самой возрастной группы, так и снижением брачной активности по сравнению с поколением молодых людей начала 2000-х годов.

На основе сравнительного анализа в работе детально рассмотрены структурные характеристики брачности и разводимости отдельных возрастных когорт молодёжи. Отмечен высокий уровень подобию моделей в двух поколениях, несмотря на существенные различия в динамике и возрастных паттернах. Особое внимание уделено гендерным различиям в моделях брачного поведения молодого населения России разных поколений. Результаты исследования могут быть полезны для понимания происходящей трансформации в matrimониальной сфере среди молодёжи, а также для разработки научно-обоснованной молодёжной, демографической и социальной политики.

Ключевые слова: брачное поведение, разводимость, гендерные различия в браке, безбрачие, всероссийская перепись населения, молодёжь, приорное поколение, постериорное поколение

Для цитирования: Сивоплясова С. Ю., Сигарева Е. П. Модели брачности и разводимости в молодёжных когортах современной России // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 126–141. DOI [10.19181/nko.2025.31.3.9](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.9). EDN [TOSXAY](https://edn.tosxay.ru).

Введение. Тема брачного поведения при обсуждении острых проблем демографического развития не всегда находилась в приоритете исследований и научных диспутов. Главный акцент в общенаучной полемике делался на оценку перспектив рождаемости, смертности, естественного и общего прироста населения. Однако в настоящее время данная проблематика заметно актуализировалась. Причиной этого является резкое сокращение числа браков, заключённых в стране в период пандемии COVID-19 (на 18,9% в 2020 г. по сравнению с 2019 г.) и рост числа разводов (на 21,1% с 2018 г. по 2023 г.). Учёные из разных отраслей науки стараются объяснить причины такой динамики и спрогнозировать варианты развития демографической ситуации. Ключевым фактором, на который целесообразно в первую очередь обратить внимание демографам, является изменение численности населения, участвующего в процессах брач-

ности и разводимости. В предыдущих авторских исследованиях, проводился корреляционный анализ¹, позволивший определить наличие взаимосвязи между динамикой численности населения в наиболее активных брачных возрастах, к которым были отнесены когорты 22–32-летних, и динамикой числа заключённых браков, а также зарегистрированных разводов. Результаты показали, что если число заключаемых браков сильно коррелирует с численностью населения в наиболее активных брачных возрастах (коэффициент корреляции составляет 0,88), то динамика разводов с этим показателем связана слабо (коэффициент корреляции составляет 0,31). То есть динамика такого демографического процесса как разводимость в большей степени обусловлена недемографическими факторами.

Анализ данных статистики за 2000–2024 гг. показал, что в течение последних пяти лет (2020–2024 гг.) значение показателей как брачности, так и разводимости не являлись экстремальными на протяжении рассматриваемого периода (исключение составляет 2020 г., когда число зарегистрированных браков снизилось до 771 тыс., что является наименьшим значением с начала века)². Однако на почти рекордном уровне за последние 24 года находится соотношение числа браков и разводов. На каждые 100 браков в 2020 г. приходилось 73 развода. В 2023 г. этот показатель составил 100:72. А в 2024 он вырос до соотношения 100:76. Этот факт, наряду с другими обстоятельствами, проявленными в последние годы (фиктивные браки и фиктивные разводы) [1; 2] во многом объясняет повышенное внимание научного сообщества к проблематике брачного поведения россиян.

Объективно трансформация матримониального поведения происходит во всех возрастных группах, но в молодёжной когорте она более выразительна. Это связано с тем, что вообще на поведение влияют как эндогенные факторы, которые объясняют в нашем случае сходство моделей брачности и разводимости молодого поколения с моделями старших поколений, так и экзогенные факторы, определяемые быстро меняющимися условиями современной жизни, которые обуславливают наибольшее влияние именно на жизненные стратегии молодёжи и формируют отличия матримониальных моделей последних от моделей населения в старших возрастах. Следует заметить, что тем самым демографические перспективы в контексте брачности и разводимости будут определяться моделью матримониального поведения современной молодёжи, в состав которой мы включили возрастные подгруппы от 16 до 34 лет. Такой подход придаёт особую актуальность представленному исследованию.

Методология исследования. На так называемое «золотое десятилетие» [3], то есть на возраст 21–30 лет, приходится большое число социально, демографически и экономически значимых событий жизни человека: получение образования, выбор профессиональной траектории, сепарация от родителей, создание собственной семьи, рождение детей. При этом дети нередко «копируют» соци-

¹ Коэффициенты корреляции рассчитаны С. Ю. Сивоплясовой на основе данных Росстата. Результаты исследования были представлены в докладе «Брачность и разводимость в условиях социально-экономической турбулентности» на Международной научно-практической конференции XIV Уральского демографического форума «Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам» 31 мая – 2 июня 2023 г. (г. Екатеринбург).

² Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за декабрь 2024 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_12-2024.htm (дата обращения: 01.04.2025).

ально-демографическое поведение своих родителей, о чём неоднократно писали В. Н. Архангельский, В. А. Безвербный, Н. А. Безвербная, Е. В. Землянова [4], О. В. Гришина [5], Е. С. Митрофанова [6; 7], О. В. Рыбакова, Ю. В. Мокерова, А. Д. Гурарий [8], А. С. Барашкова [9], В. М. Карпова [10] и другие. Например, в работе «Многодетность в России: состояние и перспективы» было подчёркнуто, что модель детности молодого поколения в России обусловлена родительской моделью детности [11].

Учитывая многочисленные факты выявленного подобия моделей поведения поколений родителей и их взрослых детей в различных демографических процессах, цель данного исследования была сформулирована как оценка характера моделей брачности и разводимости у молодёжи разных поколений. Для этого был поставлен исследовательский вопрос: в чем состоят сходства и различия в матримониальном поведении молодёжи разных поколений? Для ответа на этот вопрос были проанализированы данные Всероссийской переписи населения 2002 г. и Всероссийской переписи населения 2020 г. (фактически состоялась в 2021 г.) о брачном статусе населения разных возрастных когорт.

Так как указанные переписи проводились с почти 20-летним временным лагом, то возможно говорить о матримониальном поведении поколения «родителей» (данные 2002 г.) и поколения современной молодёжи (данные 2020 г.). В предыдущих исследованиях авторов был применён подход, согласно которому «родительское» поколение обозначено как *приорное*, а «детское» — как *постериорное* [12, с. 140–155]. В настоящем исследовании данный подход также найдёт своё отражение.

Прежде чем оценивать подобие и различия моделей брачности и разводимости в молодёжных когортах разных поколений, следует отметить различия в самих параметрах (объёмах) когорт молодого населения России. Во-первых, если в 2002 г. численность населения молодых возрастов (от 16 до 34 лет) составляла 42 млн человек, то в 2020 г. она сократилась до 34 млн человек, или на 20%.

Во-вторых, категория молодых людей, указавших состояние в браке, снизилась за этот же период на 33%. Это связано с тем, что в переписи 2020 г. доля молодых людей, не ответивших о своём состоянии в браке, была высока и достигала в абсолютном значении 6,4 млн человек. А в относительном выражении её значение составляло почти 19%. Для сравнения укажем, что в 2002 г. число молодого населения, не указавшего состояние в браке, составляло всего 532 тысячи, что исчисляется лишь в 1,2%. То есть, в общей молодёжной модели 2020 г., по сравнению с моделью 2002 г. образовалась статистическая «terra incognita», область, которая вызывает существенные затруднения при сравнительном анализе моделей брачности и разводимости молодёжных групп населения России. Поэтому в данной работе наряду со статистически корректными моделями брачности и разводимости представлены модели, рассчитанные относительно общей численности населения молодёжи, которые, на наш взгляд, больше соответствуют реальным процессам брачности и разводимости молодёжи в современный период.

Следует отметить ещё одно методологическое допущение: несмотря на то, что к молодёжи относятся лица в возрасте от 14 лет до 35 лет включительно³, в настоящей работе в силу особенностей разработки данных переписей анализу подлежали лица в возрасте 16–34 лет.

³ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 01.04.2025).

Брачность в молодёжных когортах приорного и постериорного поколений. Рассматривая группы молодёжи 2002 г. и 2020 г., указавших свой брачный статус, можно отметить, что брачное поведение приорного и постериорного поколений имеет много общего (см. рис. 1).

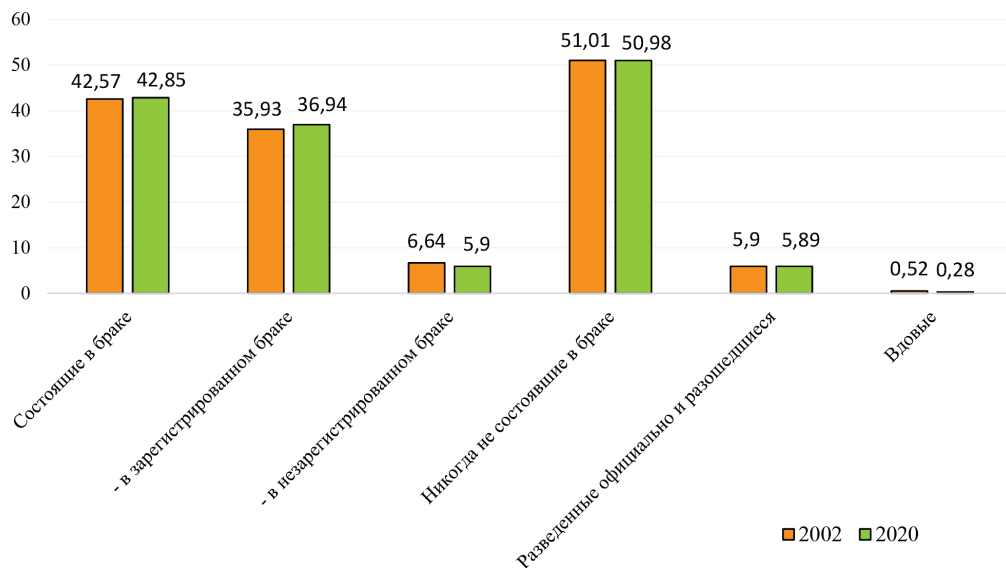

Рисунок 1. Брачная структура молодёжных когорт, % от численности населения в возрасте 16–34 лет, указавшего брачный статус

Источник: здесь и далее составлено по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. и Всероссийской переписи населения 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya (дата обращения: 20.02.2025).

Около 42–43% молодых людей в возрасте 16–34 лет состояли в браке, причём преимущественно в зарегистрированном (около 36% против 6%, состоящих в незарегистрированном браке). Около 6% были официально разведены или разошлись с партнёром. До 0,5% являлись вдовыми. Примерно половина молодых людей никогда не состояли в браке.

Однако если рассматривать брачную структуру молодёжи двух поколений, производя расчёты относительно общей численности молодых людей в возрасте 16–34 лет, то картина окажется иной (см. рис. 2).

Так, среди поколения молодёжи 2020 г. доли состоящих в браке и никогда не состоявших в браке будут на 7–9 п.п.⁴ ниже, чем среди поколения молодых людей 2002 г. Причём если разница между долями среди состоящих в зарегистрированном браке составляет 5,5 п.п., то среди состоящих в незарегистрированном браке — 1,8 п.п. Лишь значения показателей доли разведённых официально и разошедшихся, а также вдовых среди молодёжи приорного и постериорного поколений являются схожими и составляют около 5–6% и 0,2–0,5% соответственно. То есть возможно говорить, что ввиду большой доли респондентов, не указавших свой брачный статус при проведении переписи 2020 г., сформировалась своеобразная «неизвестная область», то есть группа людей, брачное поведение

⁴ п.п. — процентные пункты.

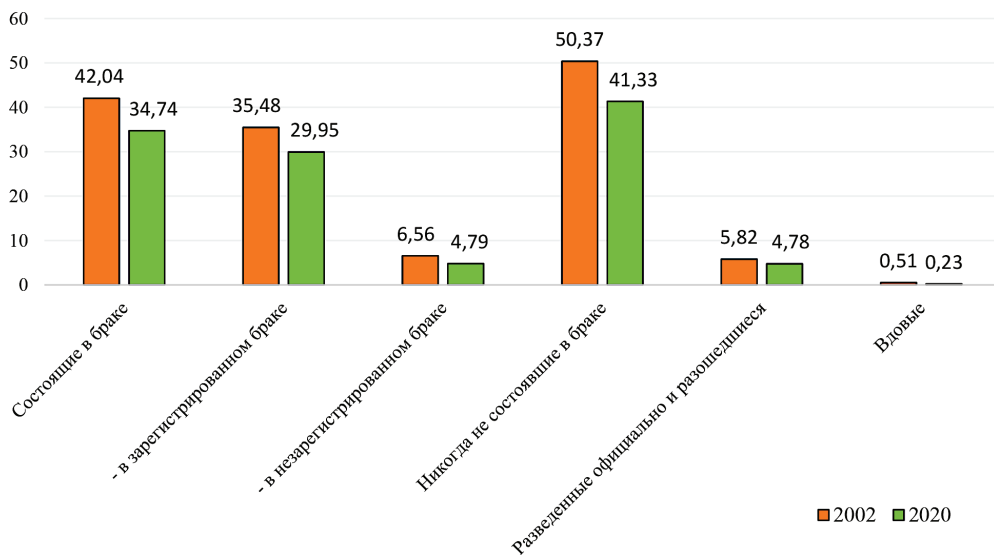

Рисунок 2. Брачная структура молодёжных когорт, % от общей численности населения в возрасте 16–34 лет

которой оценить по результатам Всероссийской переписи населения не представляется возможным. Её существование может быть связано, с одной стороны, с отсутствием понимания среди респондентов своего брачного статуса (например, среди сожительствующих лиц или лиц, состоящих в зарегистрированном браке, но не проживающих совместно); а с другой — с особенностями сбора переписных данных в условиях пандемии COVID-19. В связи с этим дальнейшие расчёты будут производиться относительно численности лиц, указавших свой брачный статус.

Если проанализировать брачный статус молодых людей в разных возрастных группах, то будут заметны значимые межпоколенческие различия. Молодёжь поколения «родителей» во всех возрастных группах интенсивнее вступала в брак и была ориентирована на более раннее заключение брака, чем поколение современной молодёжи (см. рис. 3).

Так, в возрастной группе 18–19 лет доля состоящих в браке среди поколения молодёжи 2002 г. превышала долю состоящих в браке среди молодёжи 2020 г. в 1,6 раза (75 человек против 46 на 1000 населения указанного возраста соответственно). В возрастной группе 20–24 года межпоколенческие различия составляли 1,4 раза также в сторону большей интенсивности вступления в брак представителей приорного поколения (334 человек против 235 на 1000 населения данного возраста соответственно). Лишь в «старших» молодёжных возрастах (прежде всего, 30–34 года) показатели брачного статуса сближаются (716 человек из каждой 1000 населения в возрасте 30–34 года среди поколения «родителей» и 670 человек среди поколения современной молодёжи состояли в браке).

Обращает на себя внимание тот факт, что представители приорного поколения заметно чаще заключали браки в несовершеннолетнем возрасте, чем представители постериорного поколения. В России вступление в брак в несовершеннолетнем возрасте не является распространённым явлением. Вместе с тем, к 2020 г. его интенсивность снизилась. Согласно данным статистики, в «родительском»

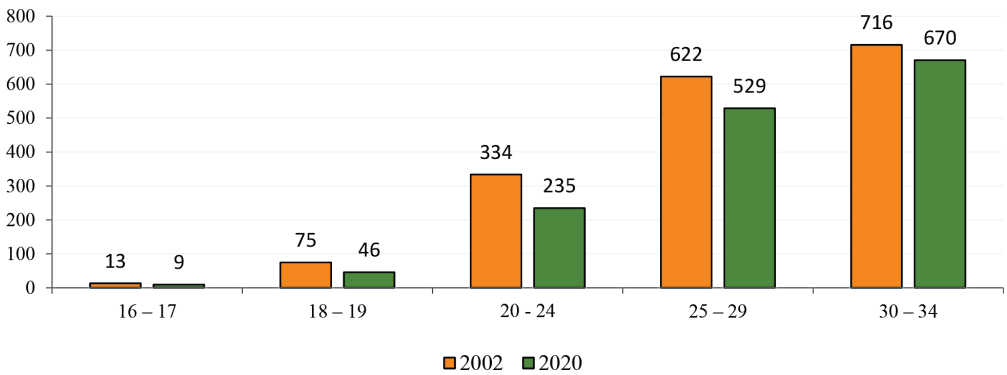

Рисунок 3. Состоящие в браке на 1000 населения, соответствующего возраста, чел.

Примечание: здесь и далее расчёты производились относительно численности населения, указавшего брачный статус.

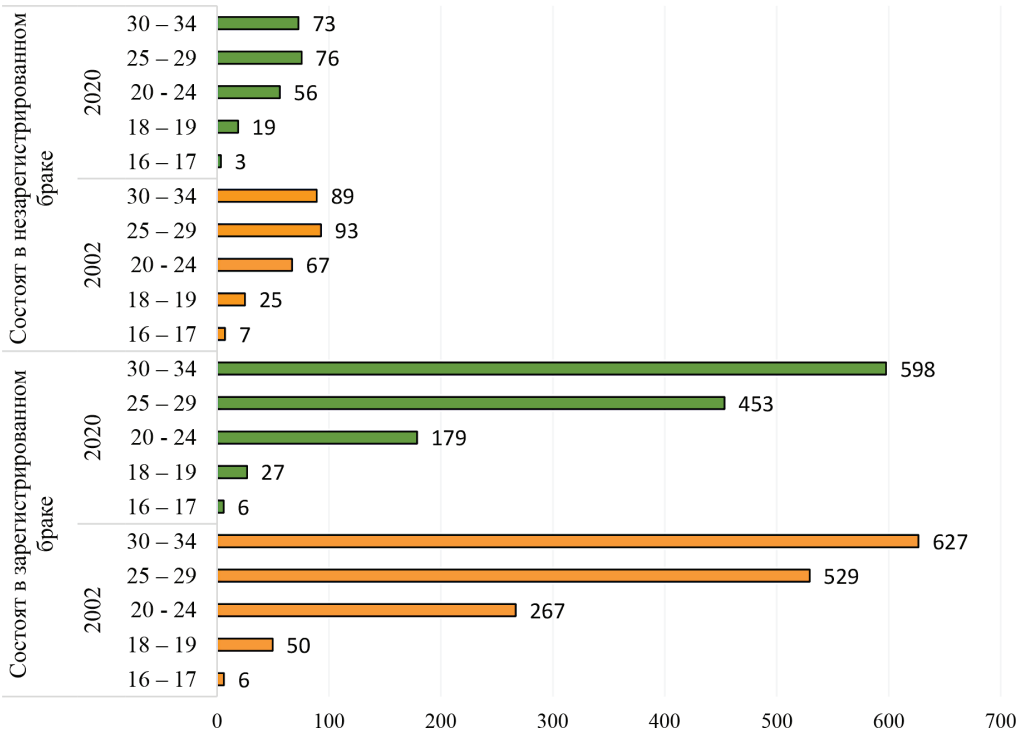

Рисунок 4. Лица в возрасте 16–34 лет, состоящие в зарегистрированном и незарегистрированном браке на 1000 населения соответствующего возраста, чел.

поколении 13 человек из 1000 в возрасте 16–17 лет состояли в браке, в поколении же современной молодёжи — 9 человек из 1000 населения указанного возраста.

Различия в брачном поведении молодёжи 2002 и 2020 гг. более заметны в динамике официально зарегистрированных браков (см. рис. 4).

В поколении «родителей» доли молодёжи, состоящей в зарегистрированном браке, в большинстве возрастных групп превышали доли современных молодых людей, состоящих в зарегистрированных брачных отношениях. Причём такое превышение было весьма заметным: на 85,2% в возрастной группе 18–19 лет, 49,2% в группе 20–24 года, 16,8% в группе 25–29 лет. В возрастной группе 30–34 года, как отмечалось ранее, разница в долях состоящих в зарегистрированном браке среди приорного и постериорного поколений не столь существенна (4,8%). Следует отметить, что популярность официальной регистрации брака в несовершеннолетнем возрасте среди молодёжи двух поколений оказалась схожей. Как в 2002 г., так и в 2020 г. 6 человек из 1000 в возрасте 16–17 лет состояли в зарегистрированном брачном союзе. Возможно, это связано с особенностями юридической ответственности с обязательной регистрацией брака в случае беременности несовершеннолетней.

Траектория динамики вступления в незарегистрированный брачный союз в приорном и постериорном поколениях является схожей. Однако так же, как в случае с зарегистрированными браками, в незарегистрированные брачные союзы более активно вступали представители поколения «родителей» по сравнению с поколением современной молодёжи. Почти во всех возрастных группах доля состоящих в незарегистрированном браке в 2002 г. почти на 20% превышала долю состоящих в таких союзах в 2020 г. Исключение составляет когорта 16–17-летних, среди которых наблюдались двукратные различия. То есть в этой возрастной группе на каждого несовершеннолетнего молодого человека, состоящего в незарегистрированном браке в 2020 г., приходилось более 2 несовершеннолетних молодых людей с таким же брачным статусом в 2002 г.

Все это даёт основание говорить о том, что поколение «родителей» более активно вступали в брак по сравнению с современной молодёжью, стремились заключить брак в более молодом возрасте и, в целом, были более ориентированы на семейный образ жизни. В настоящее время молодые люди откладывают вступление в брак на более поздний возраст, брачные отношения и семейный образ жизни, особенно в официально зарегистрированном формате, для них заметно менее привлекательны.

Разводимость и безбрачие в поколениях молодёжи. Как в приорном, так и в постериорном поколении молодёжи прослеживается ожидаемая закономерность: чем старше возраст, тем больше доля разошедшихся (см. рис. 5).

Результаты переписей населения свидетельствуют, что поколение «родителей» выделяется высокой интенсивностью разводов в молодёжных возрастных группах. Начиная с 20-летнего возраста (и до 39 лет), они заметно чаще разводились, чем современные молодые люди. При этом разница в долях между двумя аналогичными по возрасту когортами может достигать до 26% (в возрасте 25–29 лет). При дальнейшем анализе данных, представленных на рисунке 5, возможно проследить брачное поведение той же самой части населения (поколения «родителей») в период последней переписи населения 2020 г. Если обратить внимание на возрастные группы 40–55 лет, окажется, что вновь показатели разводов довольно высоки. Они превышают отметку в 160 разводов на 1000 населения соответствующего возраста.

Таким образом, можно констатировать, что показатели разводов среди современной молодёжи заметно ниже по сравнению с поколением «родителей».

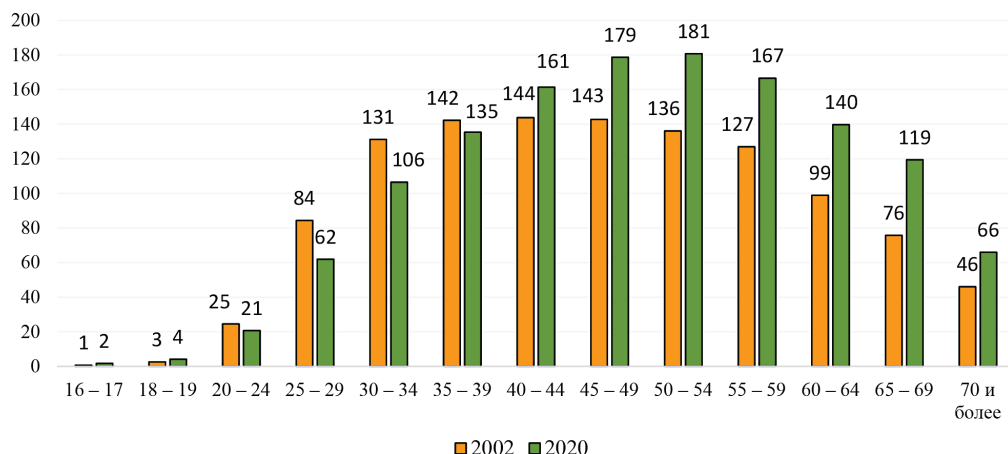

Рисунок 5. Повозрастные показатели числа лиц в статусе разведённых и разошедшихся (на 1000 населения соответствующего возраста), чел.

Доля разошедшихся среди современной молодёжи заметно более низкая по сравнению с поколением «родителей». Такая ситуация может быть связана как с низкой интенсивностью вступления в брак и откладыванием вступления в брачные союзы, так и обусловлена иными факторами. Особенности брачного поведения молодых людей 2020 г. возможно будет более детально оценить, основываясь на результатах будущих переписей населения.

Тем не менее, обращает на себя внимание тот факт, что доля разошедшихся в ранних молодёжных возрастах среди постериорного поколения несколько выше, чем среди приорного (2 и 1 человек на 1000 населения соответственно в возрастной группе 16–17 лет, и 4 и 3 человека на 1000 населения соответственно в возрасте 18–19 лет). Являются ли такие результаты свидетельством большей «склонности» к разводам среди самой юной группы молодых людей поколения современной молодёжи по сравнению с аналогичной когортой в поколении «родителей»? Пока ответить затруднительно. Это также возможно будет определить по данным предстоящих всероссийских переписей.

При исследовании моделей брачности и разводимости можно очертить ещё одну грань в образе брачного поведения молодых людей разных поколений, проанализировав масштабы безбрачия. Как в приорном, так и в постериорном поколениях доля тех, кто не имеет брачного опыта, сокращается в каждой последующей возрастной когорте молодёжи (см. рис. 6).

При этом в ранних молодёжных возрастах показатели никогда не состоявших в браке в обоих поколениях близки и составляют 986% в поколении «родителей» и 989% в поколении современной молодёжи среди 16–17-летних, а также 922% и 950% соответственно в возрастной группе 18–19 лет. В возрастной когорте 20–24 года различия становятся более значимыми, а в последующих возрастах усиливаются. Так, если в возрасте 20–24 года доля никогда не состоявших в браке современных молодых людей в 1,2 раза превышает аналогичный показатель в поколении «родителей», то для возрастной группы 25–29 лет разница составляет 1,4 раза, а для группы 30–34 года — 1,6 раза. То есть в приорном поколении только 14% 30–34-летних не имели брачного опыта, в то время как в постериорном поколении его не имела почти четверть когорты.

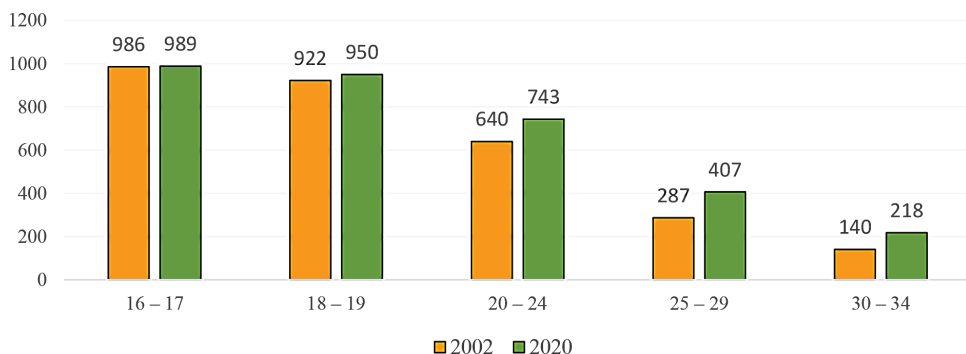

Рисунок 6. Лица в возрасте 16–34 года, никогда не состоявшие в браке (на 1000 населения соответствующего возраста), ‰

Таким образом, современные молодые люди, в отличие от представителей поколения «родителей», не торопятся получить брачный опыт и откладывают создание семьи на более старший возраст или вовсе отказываются от вступления в брачный союз.

Гендерные различия в моделях брачности и разводимости. Несмотря на то, что браки и разводы являются парным демографическим событием (то есть, событием, в котором обязательно участвуют двое), исследователи давно отмечают имеющее место различие в определении брачного статуса среди женщин и мужчин [13; 14]. Наше исследование также показало, что брачное поведение мужчин и женщин в «родительском» поколении и в поколении современной молодёжи имеют как сходства, так и заметные различия. Результаты всероссийских переписей населения показывают, что и в приорном, и в постериорном поколениях в молодёжных возрастных группах женщины более активно вступают в брак, чем мужчины (см. рис. 7).

При этом в возрастных группах 20–24 года, 25–29 лет и 30–34 года разница в долях замужних женщин и женатых мужчин выше в поколении современной молодёжи, чем в поколении «родителей». В постериорном поколении в группе молодёжи 20–24 лет доля женщин, состоящих в браке, в 1,9 раза выше аналогичной доли мужчин, в то время как в приорном поколении разница составила 1,8 раза, в возрастной группе 25–29 лет разрыв составил 1,3 и 1,1 раза соответственно, а в возрастной когорте 30–34 года — 1,1 и 1,0 раза соответственно. В ранних молодёжных возрастах гендерная дифференциация брачности, напротив, выше в поколении «родителей». В возрастной группе 16–17 лет в приорном поколении доля женщин, состоящих в браке, в 5,4 раза превышала долю женатых мужчин, в то время как в постериорном поколении — в 1,8 раза. В возрастной когорте 18–19 лет разница составила 4,7 и 3,2 раза соответственно. Показатели состоящих в браке мужчин и женщин в «родительском» поколении сближаются примерно в возрасте 30–34 года. В поколении же современной молодёжи — в более позднем возрасте 35–39 лет.

То есть характерный для современной молодёжи тренд откладывания вступления в брак сильнее проявляется среди мужчин, чем среди женщин. Хотя снижение интенсивности вступления в брачный союз в ранних молодёжных возрастах (16–19 лет) заметнее среди современных девушек, в то время как доли женатых юношей в двух поколениях являются схожими.

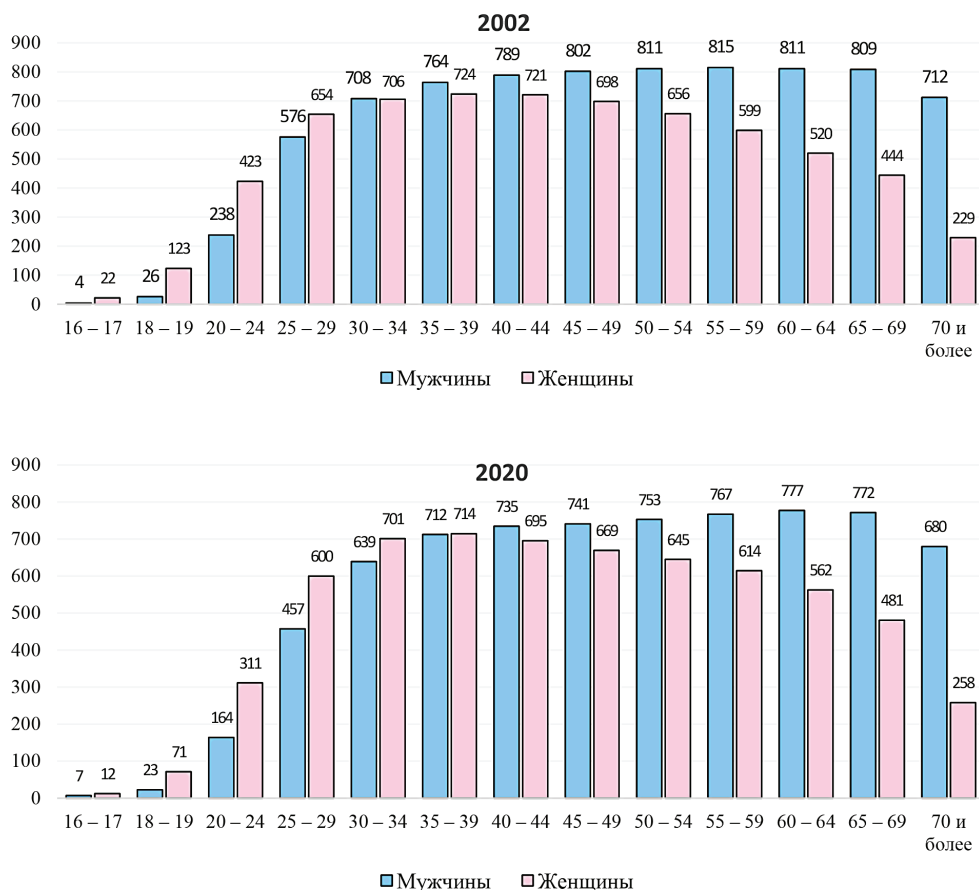

Рисунок 7. Соотношение мужчин и женщин, состоящих в браке, по возрастным группам в 2002 г. и 2020 г., в расчёте на 1000 населения соответствующего пола и возраста, ‰

Аналогичные тренды прослеживаются среди мужчин и женщин, состоящих в зарегистрированном браке. Среди же состоящих в незарегистрированном браке существуют некоторые особенности.

В молодёжных возрастах девушки как в 2002 г., так и в 2020 г. заметно более активно вступали в брачные отношения без официальной регистрации брака, чем юноши. Причём, разница между долями молодых мужчин и молодых женщин, состоящих в незарегистрированных брачных союзах, заметно выше в поколении «родителей», чем в поколении современной молодёжи, и достигает 31 ‰.п. (в возрастной группе 18–19 лет), в то время, как максимальная разница в долях между женщинами и мужчинами, состоящими в незарегистрированных брачных союзах, в постериорном поколении составляет 24 ‰.п. (в возрастной группе 20–24 года).

Соотношение женщин и мужчин, состоящих в официально не зарегистрированном брачном союзе, изменяется в сторону превышения доли мужчин над долей женщин в возрастной группе 30–34 года. Такое изменение происходит как в приорном поколении, так и в постериорном.

Рассматривая более старшие возрастные группы (35 лет и старше), можно отметить, что в 2002 г. доли мужчин и женщин, состоящих в незарегистриро-

ванных браках, снижались в каждой последующей возрастной когорте. В 2020 г. наблюдается своеобразное плато: в возрастных группах 30–34 года, 35–39 лет, 40–44 года и 45–49 лет доли мужчин и женщин, состоящих в незарегистрированных брачных союзах, являются схожими. То есть среди когорты молодёжи 2002 г. сформировалась относительно устойчивая группа людей (как мужчин, так и женщин), не стремящихся к официальной регистрации брака. О моделях брачного поведения современной молодёжи в таком ключе, как отмечалось ранее, пока говорить преждевременно.

Для обоих поколений характерно превышение доли разведённых и разошедшихся женщин над разведёнными и разошедшимися мужчинами (см. рис. 8).

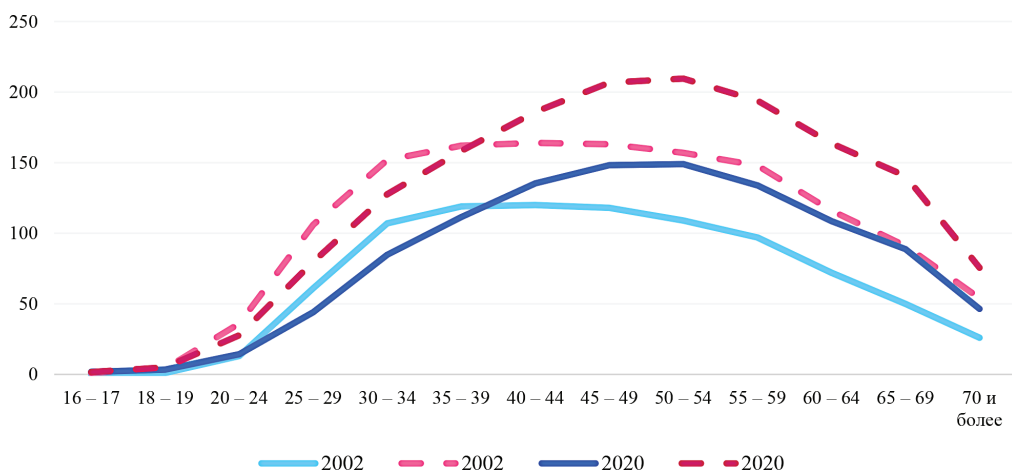

Рисунок 8. Соотношение разведённых и разошедшихся мужчин и женщин по возрастным группам, в расчёте на 1000 населения соответствующего пола и возраста, %

В молодёжных возрастах рост долей разошедшихся мужчин и женщин происходит стремительно от одной возрастной когорты к другой. Однако темпы такого роста различаются как между поколениями, так и между полами. Так среди молодёжи приорного поколения доля разошедшихся мужчин увеличивалась быстрее, чем доля разошедшихся женщин. Темп роста доли разошедшихся мужчин в возрасте 20–24 года относительно доли разошедшихся мужчин в возрасте 18–19 лет в 2002 г. составил 1272,6%. При этом темп роста аналогичной доли женщин составил 867,1%. Темп роста доли разошедшихся в возрасте 25–29 лет по сравнению с группами 20–24-летних составил 484,2% и 291,9%, соответственно, а в возрасте 30–34 года относительно 25–29-летних — 175,2% и 144,1%, соответственно. Такой гендерный дисбаланс отмечался в молодёжных возрастных когортах вплоть до группы 35–39 лет.

В то же время в брачном поведении современной молодёжи есть заметные отличия от прежнего поколения. В возрастных когортах 18–19 лет и 20–24 года темп роста доли разошедшихся по сравнению с предыдущими возрастными группами был выше среди женщин по сравнению с мужчинами (296,5% и 181,6%, соответственно, в возрасте 18–19 лет по сравнению с 16–17-летними, и 555,4% и 424,7%, соответственно, в возрасте 20–24 года по сравнению с 18–19-летними). В последующих возрастных группах темп роста доли разо-

шедшихся мужчин превышал темп роста доли разошедшихся женщин (309,4% и 288,2% соответственно в возрастной группе 25–29 лет по сравнению с когортой 20–24 лет; 192,2% и 160,0% соответственно в возрасте 30–34 года по сравнению с 25–29-летними). То есть современные девушки, вступившие в брачные отношения в более юном возрасте, расторгали эти брачные союзы более активно, чем молодые люди в тех же возрастах.

Таким образом, сопоставляя представленные результаты с результатами анализа брачности, можно говорить, что ранние браки среди современных молодых женщин оказываются и немногочисленными, и довольно непродолжительными.

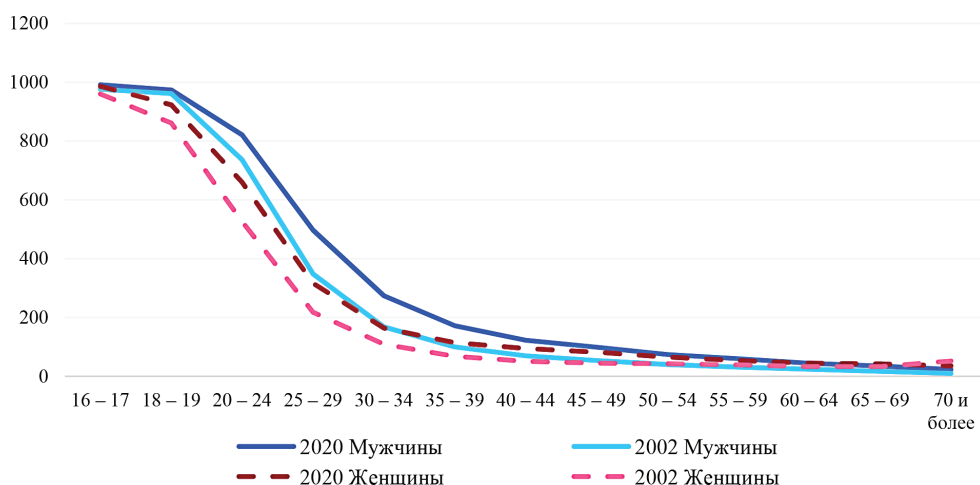

Рисунок 9. Мужчины и женщины, никогда не состоявшие в браке, по возрастным группам, в расчёте на 1000 население, ‰

Обращает на себя внимание тот факт, что в более старших возрастах (35 лет и старше) в когортах 2002 г. в динамике разошедшихся наблюдается своеобразное «плато», когда доля разведённых и разошедшихся как мужчин, так и женщин в разных возрастных группах изменяется несущественно (темп снижения доли разведённых и разошедшихся составлял около 90–98%). В то же время в когортах 2020 г. существует выраженный «пик», приходящийся на возраст 50–54 года, свойственный как мужскому населению, так и женскому. То есть в модели брачного поведения молодёжи 2002 г. прослеживается закономерность: чем в более позднем возрасте расторгнут брак, тем ниже стремление людей к заключению повторных браков.

Полученные результаты анализа брачного поведения представителей молодёжных когорт поколений 2002 г. и 2020 г. позволяют предполагать, и статистические данные всероссийских переписей населения подтверждают, что молодые мужчины заметно реже имеют брачный опыт, чем женщины (см. рис. 9).

При этом среди рассматриваемых групп наибольшие доли лиц, не имеющих брачного опыта, отмечаются среди юношей постериорного поколения. Наименьшие же доли лиц, никогда не состоявших в брачных союзах, составляют молодые женщины приорного поколения. Так, в возрастной группе 20–24 года разница в долях рассматриваемых когорт достигает наибольших

значений — 289 ‰.п. В возрастной группе 25–29 лет своеобразный «разрыв» немногим меньше — 276 ‰.п.

Сравнивая брачное поведение молодых мужчин и женщин поколения «родителей» и поколения современной молодёжи, следует отметить, что юные девушки в приорном поколении более активно, чем юноши приобретали брачный опыт, в то время как брачное поведение молодых людей (женщин и мужчин) в ранних молодёжных возрастах постериорного поколения являлось более схожим. Так, в возрастной группе 16–17 лет в поколении молодёжи 2002 г. разница в долях мужчин и женщин, никогда не вступавших в брак, составляла 19 ‰.п., в то время, как среди молодёжи аналогичной возрастной когорты в 2020 г. — 5 ‰.п., в возрастной группе 18–19 лет разница составляла 102 ‰.п. и 50 ‰.п. соответственно, а в возрастной группе 20–24 года — 214 ‰.п. и 161 ‰.п. соответственно. В более старших когортах ситуация меняется на противоположную. Различия в долях никогда не вступавших в брачные союзы мужчин и женщин становятся выше в постериорном поколении, чем в приорном. В возрастной когорте 25–29 лет разница составляет 180 ‰.п. и 132 ‰.п. соответственно, а в возрастной группе 30–34 года — 110 ‰.п. и 61 ‰.п. соответственно. Такие результаты вновь подтверждают стремление современных молодых людей к откладыванию создания семьи на более поздний возраст. Как следствие, формируется ситуация, когда активность приобретения брачного опыта современными девушками оказывается схожей с активностью получения брачного опыта молодыми мужчинами поколения «родителей».

Выводы. Результаты проведённого исследования доказывают, что в моделях брачного поведения представителей приорного и постериорного поколений существуют как сходства, так и различия. Основное отличие модели брачности и разводимости молодёжи в 2020 г. от модели молодёжи 2002 г. заключается в её сужении, а значит сокращении брачного потенциала в силу как абсолютного уменьшения когорты населения в молодых возрастах, так и в силу большой группы лиц (19%) с неуказанным брачным статусом в переписных данных.

Сходство моделей брачности заключается в том, что в молодёжных когортах как 2002 г., так и 2020 г., около 50% молодых людей имеют брачный опыт. В большинстве случаев молодёжь обоих поколений состоит в зарегистрированном браке. Женщины как в 2002 г., так и в 2020 г. имеют большую брачную активность, чем мужчины.

В качестве различий можно отметить то, что молодёжь 2020 г. откладывает вступление в брак на более старший возраст (причём, откладывается не только регистрация брака, но и вступление в незарегистрированные брачные союзы). Наиболее ярко эта тенденция проявляется среди мужчин. То есть, среди современных юношей создание семьи в период «золотого десятилетия» становится все менее «обязательной» целью, которая уступает свои позиции реализации иных компонентов жизненного успеха.

Одновременно с относительно низкой активностью вступления в брачные союзы для современной молодёжи характерно и изменение модели разводимости, которая демонстрирует более низкие показатели разводимости относительно прежнего поколения. При этом, говоря о поколении «родителей», следует отметить, что после расторжения брака (особенно в старших возрастах) их стремление к повторным бракам снижается. О подобной динамике среди

поколения современной молодёжи возможно будет говорить позже, основываясь на результатах будущих всероссийских переписей населения.

К 2020 г. сформировалась довольно обширная группа населения, состоящая преимущественно из представителей средних возрастов, но включающая и молодёжные когорты, являющаяся устойчивыми сторонниками незарегистрированных брачных союзов. Все это свидетельствует о существенных сдвигах в стратегиях матримониального поведения разных возрастных групп российского населения, особенно в среде молодёжных когорт.

Таким образом, модели матримониального поведения молодёжных когорт 2020 г. отличаются более сильной атомизацией по сравнению со сверстниками 2002 г. Более того, ценность семейного образа жизни для них заметно снижена. Это обуславливает необходимость не только учитывать полученные результаты в молодёжной, социальной и демографической политике, но и стимулировать формирование более результативной модели брака среди молодого поколения всеми доступными методами государственного управления. Подобные аспекты социально-демографической политики позволят снизить риски для демографического развития России в контексте распространения полибрачности, безбрачности, высокой разводимости, малодетности и бездетности.

Библиографический список

1. Лагунова Е. А. Фиктивный брак и фиктивный развод: вопросы теории и практики // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2(85). С. 50–56. EDN [LSOVFM](#).
2. Сакаева З. Л. Фиктивный брак в РФ: понятие и последствия // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2019. № 4(19). С. 19. EDN [JIYEPS](#).
3. Сигарева Е. П. Социологическое измерение репродуктивного и семейного поведения, а также мер социальной поддержки в представлениях образованной молодежи // Наука. Культура. Общество. 2014. № 1. С. 115–127. EDN [HUHYSА](#).
4. Архангельский В. Н., Безвербная Н. А., Безвербный В. А., Землянова Е. В. Взаимосвязь репродуктивного поведения поколений в семье // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 3. С. 48–61. DOI [10.24412/1561-7785-2024-3-48-61](#). EDN [TVGZFP](#).
5. Гришина О. В. Репродуктивное поведение родителей и их детей в России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2008. № 6. С. 29–41. EDN [KVEFRH](#).
6. Митрофанова Е. С. Демографическое поведение поколений россиян в сфере семьи и рождаемости // Экономический журнал ВШЭ. 2011. Т. 15, № 4. С. 519–542. EDN [OTTMMN](#).
7. Митрофанова Е. С. Возрастные особенности наступления стартовых демографических событий российских поколений // Народонаселение. 2015. № 2(68). С. 87–100. EDN [TZFRQH](#).
8. Рыбакова О. В., Мокерова Ю. В., Гурарий А. Д. Модели репродуктивного поведения в городской семье: поколенческий конфликт ценностных установок // Социодинамика. 2022. № 11. С. 44–55. DOI [10.25136/2409-7144.2022.11.39129](#). EDN [VHRCPC](#).
9. Барашкова А. С. Когортный анализ поведения населения на брачном рынке // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 15. С. 27–32. EDN [NEGOTD](#).
10. Карпова В. М. Особенности межпоколенной трансляции семейных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25, № 3. С. 117–139. DOI [10.24290/1029-3736-2019-25-3-117-139](#). EDN [IFVHIU](#).
11. Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю. Многодетность в России: состояние и перспективы // СОТИС — социальные технологии, исследования. 2018. № 2(88). С. 83–94. EDN [OVBJSL](#).
12. Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский [и др.]. М. : Проспект, 2023. 448 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](#). EDN [GKFMMF](#).

13. Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н., Ершова Ю. Н. Российская модель брачности: возрастной и гендерный профиль (2011–2021 гг.) // Народонаселение. 2024. Т. 27, № S1. С. 5–16. DOI [10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16). EDN [QROBIJ](https://www.edn.ru/10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16).
14. Байбурина Д. Г. Гендерные аспекты трансформации брачно-семейных отношений в современном обществе // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 2. С. 651–656. EDN [QQRHEE](https://www.edn.ru/10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16).

Поступила: 12.05.2025. Доработана: 07.07.2025. Принята: 11.07.2025.

Сведения об авторах:

Сивоплясова Светлана Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

svetlankamos84@rambler.ru

Author ID РИНЦ: [611010](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=611010); ORCID: [0000-0002-3239-4230](https://orcid.org/0000-0002-3239-4230)

Сigareва Евгения Петровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

sigarevae@mail.ru

Author ID РИНЦ: [74704](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=74704); ORCID: [0000-0003-3760-795X](https://orcid.org/0000-0003-3760-795X)

S. Yu. Sivoplyasova¹, E. P. Sigareva¹

¹ IDR FCTAS RAS. Moscow, Russia

MODELS OF MARRIAGE AND DIVORCE IN THE YOUTH COHORTS OF MODERN RUSSIA

Abstract. This article examines patterns of marriage and divorce among youth cohorts with the aim of identifying similarities and differences in the formation of marital potential across generations. Significant transformations in the family and marital sphere over the past five years have brought renewed scholarly attention to this issue. To analyze the specific features of marital behavior among youth in the prior and posterior generations, the authors rely on statistical data from the All-Russian population censuses of 2002 and 2020. The study identifies key characteristics of contemporary youth's marriage and divorce patterns, as well as their distinctions from those of the "parental" generation. A significant problem of statistical ambiguity in marital status has been revealed — one that shows a growing trend and requires further investigation: a substantial group of contemporary youth now reports an undefined marital status. The authors note a marked decline in the marital potential of current youth cohorts, driven both by demographic shrinkage of the age group itself and by reduced marital activity compared to the generation of young people in the early 2000s.

Based on comparative analysis, the paper provides a detailed examination of the structural characteristics of marriage and divorce across specific youth age cohorts. Despite significant differences in dynamics and age-related patterns, a high degree of similarity between the two generational models is observed. Particular attention is paid to gender differences in marital behavior models among Russia's youth across generations. The findings may contribute to a better understanding of ongoing transformations in the matrimonial sphere among young people and inform the development of evidence-based youth, demographic, and social policies.

Keywords: marital behavior, divorce prevalence, gender differences in marriage, non-marriage, All-Russian Population Census, youth, prior generation, posterior generation

For citation: Sivoplyasova S. Yu., Sigareva E. P. Models of marriage and divorce in the youth cohorts of modern Russia. *Science. Culture. Society*. 2025;31(3):126–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.3.9>

References

1. Lagunova E. A. Fictitious marriage and divorce: theory and practice. *Siberian Law Herald*. 2019;(2):50–56. (In Russ.).
2. Sakaeva Z. L. Fictitious marriage in Russia: concept and consequences. *Elektronnyi nauchno-metodicheskii zhurnal Omskogo GAU*. 2019;(4):19. (In Russ.).
3. Sigareva E. P. The sociological dimension of reproductive and family behavior and social support measures in the perceptions of educated youth. *Science. Culture. Society*. 2014;(1):115–127. (In Russ.).
4. Arkhangelsky V. N., Bezverbnaya N. A., Bezverbny V. A., Zemlyanova E. V. Relationship of reproductive behavior of generations in the family. *Population*. 2024;27(3):48–61. (In Russ.). DOI [10.24412/1561-7785-2024-3-48-61](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-3-48-61).
5. Grishina O. V. Reproductive behavior of parents and their children in Russia. *Moscow University Economic Bulletin*. 2008;(6):29–41. (In Russ.).
6. Mitrofanova E. S. Demographic behavior of Russians: family and fertility patterns across generations. *The HSE Economic Journal*. 2011;15(4):519–542. (In Russ.).
7. Mitrofanova E. S. Age specifics of the occurrence of starting demographic events among Russian generations. *Population*. 2015;(2):87–100. (In Russ.).
8. Rybakova O. V., Mokerova Yu. V., Gurarii A. D. Models of reproductive behavior in an urban family: generational conflict of values. *Sociodynamics*. 2022;(11):44–55. (In Russ.). DOI [10.25136/2409-7144.2022.11.39129](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.11.39129).
9. Barashkova A. S. Cohort analysis of population behavior in the marriage market. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2011;(15):27–32. (In Russ.).
10. Karpova V. M. Features of the intergenerational transmission of family values. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2019;25(3):117–137. (In Russ.). DOI [10.24290/1029-3736-2019-25-3-117-139](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-3-117-139).
11. Sigareva E. P., Sivoplyasova S. Yu. Large families in Russia: state and prospects. *SOTIS – sotsial'nye tekhnologii, issledovaniya*. 2018;(2):83–94. (In Russ.).
12. Ryazantsev S. V., Rostovskaya T. K., Arkhangelsky V. N. Russian society and the state in the conditions of the formation of a new world order: demographic situation in 2022. Moscow: Perspektiva; 2022. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023).
13. Ildarkhanova Ch. I., Yershova G. N., Yershova Yu. N. Russian model of marriage: age and gender profile (2011–2021). *Population*. 2024;27(S1):5–16. (In Russ.). DOI [10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16).
14. Baiburina D. G. Gender aspects of transformation marriage and family relations in the modern society. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2014;19(2):651–656. (In Russ.).

Received: 12.05.2025. Corrected: 07.07.2025. Accepted: 11.07.2025.

Author information:

Svetlana Yu. Sivoplyasova, Candidate of Economics, Associate professor,
Leading researcher, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

svetlankamos84@rambler.ru
ORCID: [0000-0002-3239-4230](https://orcid.org/0000-0002-3239-4230)

Eugenia P. Sigareva, Candidate of Economics, Leading researcher,
Institute for Demographic Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

sigarevae@mail.ru
ORCID: [0000-0003-3760-795X](https://orcid.org/0000-0003-3760-795X)